

предложено приносить роженице требуемые традицией кушанья, а к ребенку на момент прикладывания щепотку земли. После этого сопротивление оказанию медицинской помощи прекращается.

Лебеф намечает четыре этапа работы этнографа в деятельности медико-санитарного отряда: 1) предварительная подготовка; 2) сбор данных по анкете с вопросами о существующих у населения представлениях относительно происхождения болезней, о роли местных знахарей, о способах и результатах их лечения и т. п.; 3) участие в самом проведении мероприятий; 4) последующий сбор данных о результатах мероприятий.

Автор считает чрезвычайно важным, чтобы этнограф помог врачам познакомиться с «традиционной медицинской системой» и установить в ней, с одной стороны, полезные моменты, а с другой — вредные, противоречащие медицине и гигиене. Лебеф полагает, что для понимания этой традиционной системы этнограф должен описать представления данного народа о всей окружающей действительности. Как говорит автор, эти представления составляют в целом определенную систему, «далекую от того, что старые социологи называли дологическим мышлением» (стр. 55).

На основании собранных данных, продолжает Лебеф, этнограф может определить зоны, в которых намеченные меры могут быть проведены тем или иным образом, наметить дифференцированный подход к определенным группам. Успех будет зависеть от доверия, которое члены данного отряда смогут завоевать у населения, а это возможно только, когда они достаточно хорошо ознакомятся с культурой и бытом местного населения.

Лебеф утверждает, что суть применения «этнологического метода» составляет «уважение к национальной культуре и внимание к особенностям, отличающим одну цивилизацию от другой» (стр. 71). Здоровье и общественная гигиена неотделимы от всей жизни народа, говорит автор и приводит следующие слова африканского исследователя Карефа-Смарты: «Проблема поднятия уровня здоровья и гигиены не может быть отделена от сельскохозяйственной и духовной проблем, все они связаны с воспитанием, материальной деятельностью, распределением общественных повинностей и социальной организацией» (стр. 71).

Использование этнографии в деятельности Всемирной организации охраны здоровья и повышения уровня гигиены, несомненно, будут приветствовать все прогрессивные ученые. Однако приходится сожалеть, что в этой деятельности не используется богатый опыт СССР в деле культурного строительства среди отсталых в прошлом народностей. Нельзя не выразить удивления, что Жан-Поль Лебеф, собравший многочисленные материалы, в том числе и не опубликованные в печати, и привлекая большую этнографическую и медицинскую литературу, не использовал ни одной работы об организации дела здравоохранения в районах Севера или в Средней Азии в СССР. На конкретных примерах культурного строительства в этих районах СССР Лебеф увидел бы, как многие описываемые им трудности оказались преодоленными потому, что народности бывших отсталых окраин царской России включились в строительство социализма и с успехом завершили его.

Б. И. Шаревская

НАРОДЫ СССР

Українська народна поетична творчість. Том I — Дожовтневий період. Том II — Радянський період, видання друге, виправлене та доповнене. Академія наук Української РСР, Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії. Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська школа», Київ, 1958.

Осенью 1958 г. издательство «Радянська школа» выпустило в свет первый том коллективного труда «Українська народна поетична творчість»; в середине того же года вышел второй изданием и второй том. (Первое издание второго тома появилось еще в 1955 г.) Этот труд представляет собой систематический обзор украинского народно-поэтического творчества и является учебным пособием для студентов-филологов; он рассчитан также на научных работников, преподавателей, аспирантов и на широкий круг читателей, интересующихся устной словесностью украинского народа.

Рецензируемое издание подготовлено в основном авторским коллективом Отдела словесного фольклора Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. В написании работы приняли участие такие известные украинские фольклористы, как М. Ф. Рыльский, П. Н. Попов, Ф. И. Лавров, А. М. Кинько, П. Д. Павлий, Г. С. Сухобрус. Авторами четырех разделов главы о развитии украинской фольклористики и главы о народной драме являются фольклористы г. Львова (И. Цапченко, М. Нечитайлюк, А. Дей, М. Ищук, М. Матвийчук) и Ужгорода (П. Пономарев).

«Українська народна поетична творчість» во многом подытоживает работу фолькло-

ристов Советской Украины, прежде всего — научных сотрудников Отдела словесного фольклора Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. Судя по их последнему коллективному труду, работа эта была плодотворной.

Принцип построения и расположения материала в обоих томах, в особенности как учебного пособия, не вызывает особых возражений. Устно-поэтическое творчество украинского народа рассматривается по основным жанрам в их историческом развитии. Дookтябрьскому периоду посвящен том первый, советскому периоду — том второй. Выяснение сущности и специфики народно-поэтического творчества и истории развития украинской фольклористики является содержанием отдельных глав.

Однако единый принцип построения и расположения материала в рецензируемом труде не выдержан. Так, в начале первого тома, кроме введения и главы о природе и специфике народно-поэтического творчества, дан специальный историографический обзор украинской дооктябрьской фольклористики, а во втором томе такого обзора нет. Это было бы необходимо при условии полного историографического обзора в первом томе, но он, к сожалению, доведен только до периода империализма. Разумеется, такой пробел заметно снижает уровень книги.

Кроме того, в первом томе после каждой главы дана основная библиография, а во втором томе она отсутствует, хотя в ней крайне нуждаются все изучающие украинское народно-поэтическое творчество.

Необходимо отметить, что библиографические указатели в первом томе построены не по единому принципу. Чаще всего источники даются в алфавитном порядке, но этот принцип не везде выдержан (см., например, на стр. 223 и 423). В главе же о думах библиография дана в хронологической последовательности. Именно такой принцип можно считать наиболее подходящим для учебного пособия, ибо он дает возможность легче разбираться в истории изучения того или иного фольклорного жанра и публикации его образцов.

Иногда «основная библиография» того или иного раздела не включает некоторых важных работ. Для примера можно сослаться на библиографию главы об украинских песнях литературного происхождения (стр. 677). В ней почему-то не назван известный сборник «Пісні та романи українських поетів в двох томах» (Киев, 1956), составленный Г. А. Нудьгой, и в то же время указаны работы, имеющие лишь косвенное отношение к теме.

Наконец, в первом томе при рассмотрении основных жанров украинского народно-поэтического творчества дооктябрьского периода обычно освещается история собирания, публикации и изучения этих жанров, чего во втором томе нет.

Вообще по принципу построения, расположения и освещения материала первый том труда «Українська народна поетична творчість» стоит выше второго тома.

Первый том снабжен содержательным «Введением» акад. М. Ф. Рыльского — ответственного редактора издания, в котором говорится о сущности и характерных чертах народно-поэтического творчества как дооктябрьского, так и советского периодов. Как справедливо отмечает автор, «говорить об этом творчестве спокойно, в сугубо академическом тоне, хотя в данном случае обе книги могут служить в известной степени учебным пособием, очень трудно — столько прекрасной, исключительно богатой и разнообразной по содержанию и средствам художественного выражения поэзии имеет в себе украинский фольклор!» (стр. 5).

М. Ф. Рыльский детально и убедительно раскрывает особенности возникновения и бытования украинского народно-поэтического творчества Советской эпохи, а также останавливается на основных проблемах советской фольклористики.

Введение как бы дополняется, а ряд его положений и развивается следующей за ним главой «Природа и специфика народного поэтического творчества», автором которой является чл.-корр. АН УССР П. Н. Попов (под его руководством осуществлялась работа по созданию книги до конца 1952 г.). Эта глава написана с учетом лучших достижений советской фольклористики, во многом она базируется на других работах автора по теории народно-поэтического творчества. Затем следует обширная историографическая глава, написанная группой авторов. В ней наиболее детально и основательно разработаны первый раздел, освещающий зарождение изучения древнерусского и украинского народно-поэтического творчества с древнейших времен до начала XIX в. (автор П. Н. Попов), и последний раздел «Цензурные притеснения и преследования украинского фольклора в царской России» (автор Ф. И. Лавров). Разделы же, посвященные фольклористике XIX — начала XX в., менее разработаны. В них, в частности, почти не говорится о сущности мифологической и исторической «школе» фольклористики, только упоминаются такие видные украинские фольклористы, как Милорадович, Гринченко и ряд других. Последний раздел историографического обзора (о цензурных притеснениях) очень ценен тем, что в нем использованы многие архивные материалы, свидетельствующие о трудном пути украинской фольклористики в прошлом, в условиях царизма. Выделение этого раздела имеет положительную сторону, но, очевидно, было бы еще лучше, если бы его материал был использован в соответствующих разделах историографического обзора, охватывающих XIX — начало XX в. Это способствовало бы более глубокому и всестороннему освещению главных этапов развития украинской дооктябрьской фольклористики.

Дальше идут главы, посвященные основным жанрам и видам украинского народ-

но-поэтического творчества дооктябрьского периода: «Трудовые песни» (автор П. Д. Павлий), «Заговоры» (Г. С. Сухобрус), «Календарная обрядовая поэзия» (В. С. Бобкова), «Свадебная обрядовая поэзия» (Г. С. Сухобрус), «Причитания» (М. П. Стельмах), «Загадки», «Пословицы и поговорки» (П. Н. Попов), «Сказки», «Анекдоты», «Легенды и предания» (Г. С. Сухобрус), «Думы» (П. Д. Павлий), «Исторические песни» (М. С. Родина), «Баллады», «Лирические песни» (А. М. Кинько), «Песни литературного происхождения» (М. П. Стельмах), «Коломыйки и частушки» (Н. А. Гринченко, В. Г. Хоменко), «Народная драма» (П. П. Пономарев), «Рабочий фольклор (допролетарский период освободительного движения)» (В. С. Бобкова) и «Рабочий фольклор 1895—1917» (П. Д. Павлий).

Ценно то, что каждый фольклорный жанр и вид рассматривается в его историческом развитии. В то же время в самой последовательности жанров и видов фольклора также в основном выдерживается исторический принцип, хотя можно спорить по поводу «очередности» происхождения, а следовательно и порядка размещения таких жанров, как думы, баллады и народная драма. Этот спор можно было бы легко устранить, если бы перед главами, посвященными рассмотрению отдельных жанров и видов фольклора, имелась еще одна «ключевая» глава, освещающая основные этапы исторического развития украинского народно-поэтического творчества. Именно в этой главе следовало бы объяснить, почему определенные жанры появились в ту или иную эпоху, наметить общие пути их развития, причины отмирания некоторых жанров и видов фольклора и т. п. Такая глава была бы особенно необходима для приступающих к более глубокому изучению фольклора.

Большинство глав, посвященных рассмотрению определенных жанров и видов украинского фольклора дооктябрьского периода, отличается должной научной глубиной. Это касается прежде всего таких глав, как «Загадки», «Пословицы и поговорки», «Думы», «Рабочий фольклор». При рассмотрении некоторых жанров отчетливо выступает новая трактовка ряда важных проблем, например: происхождение, роль и развитие трудовых песен, периодизация дум; наблюдается тенденция дать более глубокий анализ художественных особенностей лирических песен и т. п.

Следует особо отметить стремление многих авторов более или менее обстоятельно охарактеризовать национальную специфику основных жанров украинского фольклора дооктябрьского периода. Правда многие высказывания еще требуют уточнения и дальнейшей разработки, расширения общих положений. Так, о национальном характере украинских баллад сказано только следующее: «Украинские народные баллады, как и думы и исторические песни,— читаем на стр. 572—573,— имеют выразительный национальный характер, что проявляется в отличие от других видов эпоса, как правило, в исключительных, но типичных характерах, в исключительных, но типичных обстоятельствах и таких же исключительных художественных деталях». Но сказанное в одинаковой мере относится как к украинским, так и к русским, белорусским и другим славянским и неславянским балладам.

Анализ отдельных жанров и произведений не всегда отличается достаточной глубиной. В главе «Исторические песни», например, периодизация не обосновывается, а главное — не прослеживается развитие жанра, не анализируются его особенности на различных этапах. В границах определенных периодов все внимание уделяется только идейно-тематической сущности песен. Об этом могут свидетельствовать хотя бы такие примеры: «Так, например, песня про Коваленку правдиво отражает социально-экономические условия жизни XV в. В ней рассказывается о постоянно напряженной жизни народа, когда нападения турецко-татарских орд всегда угрожают человеку, несут ему пожары, руины, издевательства, ясыр и смерть» (стр. 520); «Песня про Михая» отражает жестокость татарского нашествия и большое горе матери, сына которой увезли татары на возе «порубаного», «постриляного» (стр. 521). Такой анализ не дает полного представления о фольклорных произведениях как таковых.

В рассматриваемых главах иногда встречается и неверная трактовка. Так, в самом начале раздела «Живные песни» читаем: «Дожиночные (обжинкові), или живные, песни пели жнецы, когда после окончания жатвы приносили хозяину с поля венки, сплетенный из колосьев» (стр. 264). И дальше идет речь только о «дожиночных» песнях, хотя в качестве иллюстративного материала приводятся различные живные песни. Дело в том, что дожиночные песни составляют только часть живных песен. К ним относятся еще и зажиночные песни, а также другие песни жнивной обрядности. Кроме того, жнецы приносили хозяину венки с поля не только в конце жатвы, но и в начале ее — во время «зажинков», когда и пелись довольно многочисленные зажиночные песни. Дожиночные же песни пелись не только в момент «принесения венка», но и в период дожинков вообще. Отмеченные ошибки и неточности в определении живных песен могут ввести в заблуждение учащуюся молодежь, которая на практике уже не встречается с традиционной жнивной обрядностью.

Путаница имеется и в разделе об апокрифических легендах. Здесь прямолинейно заявляется, что апокрифические легенды «возникли в эпоху феодализма в процессе борьбы трудящихся против идеологии церковников», что в апокрифических легендах «пародийно трактуются библейские и евангельские темы» (стр. 402—403). Если верить этому, то все апокрифические легенды — фольклор прогрессивного направления, даже чуть ли не революционный. На самом же деле это не так. Вопрос об апокрифических легендах гораздо сложнее и решать его «с плеча» никак нельзя. Даже частный вопрос:

об обрисовке Христа в апокрифических легендах также решен без учета всей сложности и противоречивости, нередко явной полярности материала апокрифических легенд.

Нельзя согласиться и с категорическим утверждением, что коломыйки и частушки — «две разновидности одного жанра» (стр. 678). Скорее всего это два родственных жанра, возникших независимо, но близких между собой.

Может быть, в связи с тем, что в первом томе четко не определены и не разграничены жанры коломыйки и частушки, иногда наблюдается смешение их между собой и с другими видами коротеньких песенок. Так, названа частушкой приведенная на странице 688 песенка:

У нашої пані —
Золоті сережки,
А ми йдемо із роботи —
Не бачимо стежки.

В определении фольклорных жанров и видов, как правило, вообще нет четкости, а некоторые из них, например календарная обрядовая поэзия и свадебная обрядовая поэзия, вовсе остались без определения, что недопустимо в учебном пособии. Это сказывается и на размещении материала. Обрядовая поэзия, например, рассматривается в трех главах, без необходимых замечаний об общности и родстве календарной и семейно-бытовой обрядности.

В некоторых случаях определение жанра весьма сложно, что касается прежде всего сказок. С этим связана и классификация сказок, являющаяся еще далеко не решенной проблемой. Это явно ощутимо в главах «Сказки», «Анекдоты», «Легенды и предания»; произведения этого рода, очевидно, должны быть объединены общими жанровыми признаками, а не выступать чуть ли не изолированно.

Нельзя согласиться с утверждением, что под жанром сказки подразумеваются устные рассказы только фантастического характера (стр. 353), ибо тогда из поля зрения выпадают реалистические сказки, предания, анекдоты — основная масса сказочного репертуара как украинцев, так и многих других народов. Определение жанра сказки должно охватывать все виды разнообразного сказочного репертуара. Очевидно, не случайно в рецензируемом труде некоторые виды сказок, в частности сказки-мифы, мифологические сказки, совсем не рассматриваются или механически объединены (например, былички и исторические легенды).

Слишком общо определение жанра дум, не дающее четкого представления об оригинальных песнях украинского народно-поэтического творчества (стр. 424). В определении исторических песен допущена неточность: отмечается, что к ним относятся «такие эпические и лиро-эпические произведения, которые отражают конкретные исторические события...» и т. д. (разрядка моя.— П. О.) (стр. 512), хотя в украинском фольклоре исторических эпических песен (а не произведений вообще) не встречается. О пословицах говорится, что это «сжатые афористические предложения, в которых выявляется мудрость и жизненный опыт трудящихся, выраженные преимущественно в метафорической форме» (стр. 331) (разрядка моя.— П. О.), хотя пословицы в устах народа — не «предложения», да и народная мудрость в них скорее не «выявляется», а выражается, формулируется.

Все это говорит о том, что по научному определению фольклорных жанров предстоит еще большая работа.

Заканчивается первый том двумя главами (которые целесообразнее было бы объединить) о дооктябрьском рабочем фольклоре. В них привлечен ценный материал, во многих случаях публикуемый впервые (правда, иногда не совсем удачно подобранный), даны в ряде случаев интересные обобщения.

Первое издание второго тома труда «Українська народна поетична творчість» уже подверглось облуждению и рецензированию в нашей печати, в частности в журнале «Советская этнография»¹. Во втором издании сохранен тот же принцип построения и расположения материала, но трактовка его, по сравнению с первым изданием, углублена.

Второй том, как и первый, открывается введением акад. М. Ф. Рыльского, в нем трактуются вопросы, касающиеся украинского народно-поэтического творчества советского периода. Отдельные положения, имеющиеся во введении к первому тому, неизбежно повторяются здесь, но они рассмотрены в ином плане. Затем идут главы: «Песни» (авторы Ф. И. Лавров, М. П. Стельмах, А. М. Кинько), «Думы» (П. Д. Павлий), «Частушки и коломыйки» (А. М. Кинько), «Пословицы и поговорки» (П. Н. Попов) и «Сказки, легенды, рассказы» (Г. С. Сухобрусь).

Как уже отмечалось в отзывах о первом издании, к достоинствам второго тома следует отнести соблюдение исторического принципа рассмотрения украинского народно-поэтического творчества советского периода по основным жанрам, выяснение большого общественно-воспитательного значения народного творчества в этот период, довольно обстоятельный анализ национального своеобразия в содержании и художественной форме рассматриваемых жанров.

¹ См. рецензию Б. П. Кирдана в № 2 журнала за 1956 г., стр. 158—161.

Авторский коллектив, готовя к печати повторное издание второго тома, учел критические замечания и пожелания рецензентов и читателей, особенно в отношении исторических песен 1920—1930-х годов. Но в ряде мест том страдает описательностью, недостаточной глубиной анализа, излишними пересказом содержания и цитированием произведений народного творчества, некритическим подходом к качеству отбираемого материала. Конкретные примеры этого приведены, в частности, в рецензии Б. П. Кирдана на первое издание второго тома. К сожалению, многие из них «перекочевали» и во второе издание.

Существенным недостатком как первого, так и второго тома является декларативность при сравнении украинских фольклорных произведений с соответствующими произведениями русского и белорусского народов. Особенно слабо показаны родство и взаимосвязь украинского и белорусского народно-поэтического творчества.

Если в первом томе порядок размещения жанров продиктован в основном временем их сложения, то во втором томе этого принципа нельзя было придерживаться, так как все основные жанры народно-поэтического творчества советского периода появились почти одновременно. Поэтому во втором томе при размещении материала следовало бы строго учитывать важность, степень распространенности того или иного жанра. В связи с этим следовало бы несколько изменить их последовательность, а именно — дать их в таком порядке: песни, частушки и коломыйки, пословицы и поговорки, повествовательные жанры, загадки и, наконец, думы. В рецензируемой же книге думы идут сразу после песен, а глава о загадках вовсе отсутствует. Кроме того, глава о прозаических повествовательных жанрах, в которой рассматриваются сказки, легенды, предания, анекдоты и сказы, почему-то названа суженно: «Сказки, легенды, рассказы». Ее содержанию более соответствовало бы название «Повествовательные жанры».

Отмеченные недоработки, пробелы, спорные моменты, а также отдельные ошибки и неверные утверждения хотя и снижают несколько уровень двухтомного труда «Українська народна поетична творчість», не могут поколебать его научной значимости и положительной в целом оценки. И если в настоящей рецензии главное внимание уделено им, а не положительным качествам издания, то это продиктовано искренним желанием хотя бы в некоторой мере помочь авторскому коллективу в дальнейшем еще более усовершенствовать этот систематический обзор украинского народно-поэтического творчества, в особенности потому, что он должен будет служить учебным пособием и несомненно будет переиздаваться.

Двухтомная «Українська народна поетична творчість» несомненно заслуживает положительной оценки. Этот труд — важное событие не только в украинской, но и во всей советской фольклористике.

П. Охрименко

И. Х. Калмыков. *Культура и быт черкесского колхозного аула* (По материалам сельхозартели имени Сталина, Хабезского района, Карачаево-Черкесской автономной области). Под редакцией И. М. Аджиева, Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Черкесск, 1957, 106 стр.

В 1957 г. Карачаево-Черкесское книжное издательство выпустило работу И. Х. Калмыкова «Культура и быт черкесского колхозного аула». Книга основана на большом фактическом материале, собранном автором во время его поездок за последние годы в черкесские селения, а также почерпнутом из литературы.

Проведенная 23—26 июня 1958 г. в Москве сессия Отделения общественных наук АН СССР выдвинула перед научными работниками задачу разработки теоретических проблем строительства коммунизма в СССР. Большое внимание на сессии было обращено на изучение вопросов развития национальных форм материальной культуры народов СССР, современного быта рабочих и колхозников, развития советской семьи и т. д. В свете новых задач,двигаемых перед учеными, рецензируемая книга представляет несомненный интерес.

На примере одного колхоза (имени Сталина, аулы Зеюко, Кош-Хабль и Малый Зеленчук) Хабезского района, Карачаево-Черкесской автономной области автор показывает огромные социально-экономические и культурные преобразования, происшедшие в жизни черкесского колхозного крестьянства за годы Советской власти.

Описанию культуры и быта колхозного крестьянства был посвящен в последние годы ряд исследований. Что касается этнографии черкесского народа, то рецензируемая книга является первой попыткой разработки данной темы. Знакомство с нею приводит к выводу, что автор, несомненно, справился с поставленной задачей. Этому немало способствовало то обстоятельство, что И. Х. Калмыков по происхождению — коренной черкес и хорошо знаком с бытом и жизнью описываемого народа. Книга содержит четыре главы, которым предпослано введение, написанное И. М. Аджиевым.

В главе I, посвященной истории аулов и колхоза, излагаются сведения, касающиеся хозяйства дореволюционной черкесской деревни. Основная масса черкесского крестьянства занималась скотоводством (разведением овец, лошадей и крупного рогатого